

УДК 94:352(571.56)

Якутское областное управление и инородческое самоуправление: формирование вертикали власти (1775–1810-е гг.)

А. А. Борисов

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск

Аннотация. Освещается важный период в истории местного управления Якутии, когда происходило формирование Якутского областного управления. В это время начало оформляться и инородческое самоуправление. Дискутируется проблема установления вертикальных властных отношений между структурами областного управления (комендантами, комиссарами, судебными инстанциями, заседателями), с одной стороны, и потестарными институтами якутов (улусными головами, князьями) – с другой. Применяется сравнительно-сопоставительный метод, впервые анализируется комплекс иерархических связей между различными структурами местного управления и самоуправления в динамике их развития.

До реализации положений губернской реформы 1775 г. в Якутии возникло определенное противостояние между нарождавшимися институтами якутского самоуправления (улусными головами) и местными органами государственной власти. Реформа в крае прошла непростой путь поисков и выбора альтернатив. Механическое применение общих критериев или распространение иных образцов в местных условиях оказалось неприемлемым. Якуты настаивали на прямом подчинении административным и судебным инстанциям Якутского областного управления.

Ключевые слова: Российская империя, Якутия, областное управление, инородческое самоуправление, вертикаль власти.

Многонациональное государство, коим всегда была Россия, на протяжении всей своей истории находилось в постоянном поиске оптимальной модели управления. Со времен присоединения народов Поволжья в середине XVI в. к формирувавшемуся Российскому государству цари находились перед выбором, приспособить ли уже имевшиеся потестарные или государственные институты к своей системе управления или же напрямую распространить ее на население присоединенных территорий.

По-видимому, как показывает историография, правительственный курс был гибким и учитывал конкретные исторические условия [13; 17]. Так было в различных частях бывших владений татарских ханов Казани и Астрахани, Западной Сибири, кочевых сообществ Южной Сибири, охотничьих и

оленоводческих племен Арктической зоны, наконец, в Казахстане. Ко второй половине XVIII в. как по территориальной протяженности, так и по этническому разнообразию Российская империя представляла собой сложную систему управления. Древнерусский уезд, положенный в основу местного управления, был распространен повсеместно. Средоточием его был воевода и его канцелярия. Главную функцию сбора дани-ясака, постепенно превращавшегося в форму налогового обложения, осуществляли сборщики ясака. Объясненное население распределялось по «волостям», которые, впрочем, имели разнородный характер. Это могли быть кровно-родственные и территориальные клановые группы или более крупные подразделения, например улусы (у кочевых народов). Ясачным сборщикам же принадлежали некоторые другие властные функции, например осуществление судебной власти. По поручению воевод они вершили суд над ясачным населением, но со временем часть властных полномочий стала передаваться представителям местной элиты – мурзам, тайшам, князям и т. д. Такая система косвенного управления, включавшая в себя также и невмешательство во внутренние хозяйственные дела ясачных иноземцев (иноверцев), стала трансформироваться с реализацией положений губернской реформы 1775 г. На национальных окраинах большое значение приобрели областная и окружная формы управления, которые хоть и не сразу, но были организованы повсеместно в течение полувека (1775–1822 гг.). Если раньше не было подобных регулярных и строго иерархичных структур управления, то теперь происходит встраивание иноверческих управленческих структур в государственный аппарат империи. Этого требовала объективная логика развития событий. Превращение средневекового Русского государства в империю диктовало необходимость унификации и централизации управления. Кроме того, успешно шла культурная интеграция ясачных иноземцев, которые превратились последовательно в ясачных иноверцев, а к началу XIX в. в инородцев. Большую роль сыграла христианизация, приобщение к русской земледельческой культуре. В Якутии первый процесс завершился к 1820-м гг., а второй – в основном к середине столетия.

Следовательно, должна была выстроиться и вертикаль власти. От того, какую конфигурацию она имела и в каких условиях происходило это встраивание, зависело многое: например, очерчивались границы территориальных единиц, и развивалась политическая культура. Как показывает опыт, тогда же были заложены основы местного управления на национальных окраинах, которые пережили империю, отразились на развитии государственного устройства советского времени.

В свое время Н. П. Ерошкин рассматривал институты, учрежденные «Уставом» 1822 г. (степные думы, инородные управы и родовые управления), как часть системы управления [11, с. 208–209]. Возникновение областной формы управления на окраинах Российской империи привело к изменениям в характере властных отношений между имперскими институтами местного управления и аборигенным населением. «Этносоциальный фактор, несомненно, сказался на становлении и развитии политико-административного устройства

национальных окраин России, хотя его реальное воздействие проявлялось больше в завуалированной форме, поскольку российская административная система опиралась не на этнический, а территориальный принцип. Концептуальной базой такого подхода служила идея единого и неделимого централизованного государства. Тем не менее между этносоциальным фактором и местным административным устройством обнаруживается прямая и обратная связь» [17, с. 395]. В практике администрирования России тем не менее долгое время сочетались оба принципа. Примером тому служит появление областной формы управления, которая отражала специфику национальных окраин.

В трудах сибирских исследователей разработаны важнейшие принципы организации местного управления в Сибири в контексте развития российского абсолютизма [1; 19], через призму внутренней политики в отношении ясачного населения бурят, якутов, эвенков в конце XVIII – начале XIX в. [8–10; 26].

В якутской историографии Л. Г. Левенталь впервые детально рассматривал податную политику в Якутии. В его работе приводятся интересные факты о деятельности местных органов управления и их взаимоотношениях с якутским самоуправлением. Позднее большой массив содержательных источников задействовал в своей работе Г. П. Башарин в разделе об административной структуре якутского общества с 1760-х по 1820-е гг. [3, с. 7–19].

Ф. Г. Сафронов в своих трудах по истории русского населения на северо-востоке Азии рассмотрел важнейшие факты становления административной системы от воеводского управления до введения в Якутской области института губернатора до середины XIX в. Также он обзорно представил историю мирского управления якутов с XVII до начала XX в. [23, с. 26–40; 24]. Вместе с тем, как показывает анализ историографии, вопрос о становлении вертикали власти применительно к системе отношений между формировавшимися параллельно в изучаемое время якутским областным управлением и инородческим самоуправлением якутов остается открытым.

Таким образом, цель настоящей работы – показать процесс становления вертикальных властных отношений между центральными и местными органами управления, с одной стороны, и инородческими потестарными институтами, с другой, до введения в действие «Устава об управлении инородцев» 1822 г.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи. Во-первых, показать законодательное оформление изучаемого процесса. Во-вторых, дать характеристику местным органам управления и самоуправления (состав, функции, компетенции), учреждавшимся в этот период, в исторической динамике их возникновения, трансформации, замены другими органами власти. В-третьих, показать их взаимодействие на практике.

Законодательно процессу выстраивания новой вертикали власти было положено начало следующими актами. Это прежде всего упомянутое «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г. По-видимому, не случайно, что именно сразу же вслед за введением данного закона стали возникать такие формы местного управления, как области [4, с. 64]. Они занимали промежуточное положение между гу-

бернией и уездом на основании таких критериев, как численность населения и локализация на национальных окраинах.

Если в губерниях генерал-губернатор или губернатор возглавлял исполнительную власть и при нём создавалось губернское правление, а в уезде возглавлял городничий и капитан-исправник, при котором была воеводская канцелярия [15, с. 239], то в областях не сразу была определена соответствующая высшая должность. Вначале в области назначались областные правители [6, с. 113–130], коменданты, которые пришли на смену уездным воеводам, определенное время данные функции возлагались на городничих, только гораздо позднее появились должности областных начальников.

Важным узаконением губернской реформы стало отделение судебных органов от органов исполнительной власти, а уголовного судопроизводства – от гражданского. Кроме того, в организации судопроизводства сохранялся сословный принцип. В центральных регионах империи стал вводиться совестный суд – всесословный суд с функциями суда по мелким делам и прокуратуры, который должен был примирять спорящие стороны [15, с. 239]. Данный принцип нашел выражение в выборе заседателей в эти суды от разных сословий, в том числе и от якутов в числе сельских заседателей. Сопутствующими законами стали законопроект 1775 г. «О новом разделении Иркутской губернии на провинции, воеводства и комиссарства» и указ «О составлении Иркутской губернии из четырех областей» 1783 г. В 1783–1805 гг. в Иркутской губернии наряду с уездным управлением существовали три области: Иркутская, Нерчинская и Якутская. Позже сохранилась только последняя. Упомянутые законы поставили ясачных иноверцев под непосредственный контроль комиссаров (исправников) и земского нижнего суда, видное место стали занимать заседатели.

Упразднение института приказчиков – сборщиков ясака согласно указу иркутского губернатора Бриля от 26 апреля 1769 г. «О непосылке в ясачные улусы за сбором ясака нарочных, а также и о разбирательстве ясачным начальникам между родниками своими в малых делах и о прочем» [7, с. 375–377] стало началом новой тенденции в формировании вертикали власти между имперскими структурами и потестарными институтами ясачных.

Отмена повлекла учреждение должности улусных голов официально с 1778 г. [3, с. 13–15]. Их избирали из числа выдвинутых из каждого улуса и волости двух-трех кандидатов на общих съездах родоначальников (князцов, старшин) в присутствии земского суда. Такой порядок существовал в 1782–1804 гг., когда избранный голова должен был быть утвержден в областном правлении областным начальником [16, с. 265]. При каждом улусном голове возникло письмоводство. Примечательно также, что писарями обзавелись и многие якутские князцы. Считается также, что впервые улусными князцами объявили себя выборщики якутского депутата в екатерининскую Уложенную комиссию Софрона Сыранова – «депутатские головы», которые съехались в 1767 г. в Якутск из разных улусов.

Другим основополагающим актом стал указ от 22 апреля 1805 г. «О разделении Иркутской губернии на семь уездов, с присоединением города

Охотска, а остающиеся уезды на комиссарства; о соединении Губернского Правления с Казенною палатою; об учреждении в городе Якутске гражданского правления, под именем Якутского областного правления...», согласно которому бывший Якутский уезд получил особое административное управление в составе Иркутской губернии [21, с. 1001–1003], так возникла 2-я Якутская область (1805–1851 гг.).

Крайне важно обратиться к историческому опыту родственного якутам народа бурят, у которых, например, довольно рано стали создаваться особые ведомства, раньше всех – ведомство хоринских бурят [26, с. 122]. Ничего подобного в Якутии в то время не было.

Ранее с 1740-х гг. у бурят создавались степные конторы в составе тайшей (главных шуленг) и шести депутатов от родов [5, с. 76]. В 1743 г. была учреждена Онинская степная контора 11 родов хоринских бурят в составе главного тайши, второго тайши, которым подчинялись родовые зайсаны и шуленги. В родах были созданы «мирские сугланные избы» (те же конторы), в которых правили зайсаны и шуленги. Созывались сугланные съезды нойонов. Около 1750 г. в Черемхове были образованы степная контора по делам балаганских, аларских и китойских бурят и также мирские сугланные избы [26, с. 109–110]. Как видно, конторы создавались при стационарных населенных пунктах.

В 1807 г. частный комиссар Шелковников предложил учредить степную контору в Селенгинском ведомстве из 18 бурятских родов по примеру хоринских бурят. Губернское правление решило создать контору при главном тайше с двумя-тремя писарями [26, с. 123–124]. Таким образом, у бурят формирование иерархичности системы местного управления в ведомствах-конторах завершилось к началу XIX в.

В том же году, а затем в 1812 г. по предписанию иркутского губернатора было предложено и якутам сделать то же, на что получен отказ по причине «рассеянности жилищ» и огромных расстояний [16, с. 263]. В 1813 г. Иркутское губернское правление предписало Якутскому земскому суду обратиться к якутам с подобным предложением. Как известно из документов, земский суд так и сделал. Несмотря на это, якуты ответили энергичным отказом. В улусах состоялись сходы старшин, на которых были заслушаны предписание земского суда и указ Иркутского gubernского правительства от 30 сентября 1807 г. [20, л. 17–19 об.]. Мотивы отказа примечательны. Ссылаясь на рассеянный образ жизни, например, 11 старшин Мегинского улуса заявили в своем приговоре о большем удобстве сохранения письмоводства в наслегах, нежели сосредоточение его в конторах. Опасения вызывали также расходы на содержание контор.

«Положение о выборах иноверческих начальников и о правах их» от 9 августа 1812 г. иркутского губернатора Н. Трескина закрепило наследственность в выборе голов [3, с. 15–18]. Это была дань традиции, хотя следует отметить также и то, что в предшествующий период якутские тойоны-князцы по сути стали чиновниками местного управления, получая за отправление своей должности своеобразное жалованье – 20 руб. с каждой ты-

сячи сданного ясака по «Инструкции» от 4 июня 1763 г., данной секунд-майору А. Щербачеву [2, с. 235–236; 26, с. 113]. Со временем власти отказались от подобной практики. В «Уставе» 1822 г. уже говорится, что князцы никакого жалованья не получают за отправление своей должности. Тем не менее Н. П. Ерошкин не случайно рассматривал инородческое самоуправление как часть системы имперского управления.

До 1820-х гг. постоянных мест дислокации центров улусов и наслегов не было. Каждый голова или староста именовал соответственно управую или родовым управлением свою усадьбу [16, с. 263; 3, с. 19]. Другими словами, территориальное расположение институтов управления якутов, через которые имперские власти осуществляли свою деятельность, все еще зависело от традиционного образа жизни и в значительной степени от местных хозяйственно-культурных реалий, и можно говорить о незавершенности формирования вертикали власти вплоть до 1822 г.

Как показывает логика событий, эти процессы не следует рассматривать только лишь как усиление власти тойонов [26, с. 112–118], во многом речь идет просто о передаче им части полномочий местных властей. Так, все гражданские дела согласно указу Иркутской наместнической канцелярии от 6 марта 1783 г. были переданы в ведение якутских «родоначальников», т. е. князцов и улусных голов [3, с. 35].

Сельские заседатели, не будучи органами якутского самоуправления, представляли собой «интересный для своего времени пример привлечения более интеллигентного класса инородческого населения к участию во всех местных инстанциях суда и управления» (земском суде, верхней расправе – областном правлении – по два, нижней расправе – уездном суде – трое) [16, с. 264]. По-видимому, этот институт был введен одновременно с учреждением должности улусных голов.

Сельские заседатели имели довольно широкий спектр функций: инициирование отзыва и выборов улусных голов, проведение следствий о самоубийствах и преждевременных смертях, разбор жалоб родовичей на своих князцов или голов на подведомственных им князцов. При этом они избирались на три года. Вначале каждый улус выдвигал трех-четыре кандидата, а волости – одного-двух, затем съезды голов, князцов и старшин или поверенных от них в присутствии земского суда отбирали из них нужное количество по числу вакансий, после чего их избрание утверждали областные начальники. Главным критерием при этом была не знатность и богатство, а «грамотность, дельность и расторопность» [16, с. 364–365]. Эти своеобразные якутские «трибуны» оставили заметный след в истории, достаточно вспомнить князца 5-го Мальжегарского наслега Илью Шадрин, служившего сельским заседателем 2-го департамента Якутской верхней расправы [27, с. 38–39, 42]. Ему удавалось не только защищать интересы якутского населения от произвола чиновников областного управления, но даже добиться отстранения некоторых из числа проявивших себя с негативной стороны.

Создание области в 1780-х гг. увеличило число чиновников, льготы, предоставленные якутам Первой ясачной комиссией, и повышение цен на

продукты привели к обнищанию и утрате земель русскими дворянами и чиновниками. Некоторые из них даже вынуждены были поступить в услужение якутам и стали балыксытами-рыбаками [14, с. 45]. Такое положение дел, по-видимому, также стало одной из причин упразднения в 1796–1805 гг. Якутской области, так называемой 1-й Якутской области. Не случайно группа местных чиновников во главе с Горновским и И. Эверсом поставила вопрос об учреждении вновь самостоятельной Якутской провинции в специальной «Записке», где они описали, прежде всего, бедственное положение местного русского чиновничества [12, л. 1–74 об.; 14, с. 45].

Потребности комплектования штата чиновников областного правления потребовали привлечения местных кадровых ресурсов. Так, известен факт, что даже якутские дети – выпускники школы, существовавшей при Якутском Спасском монастыре, получали должности канцеляристов в областном правлении в 1810-х гг. [18].

О неустойчивости вертикали власти свидетельствует факт прямых предписаний в 1791 г. через голову коменданта Г. А. Козлова-Угреина иркутского губернатора исправнику Горновскому, например, подтверждающий о трехлетних льготах по ясаку для новокрещеных. По наблюдениям Левенталья, факт, «характерный для тогдашних административных отношений» [16, с. 297].

Следует особо отметить, что общероссийская тенденция разделения исполнительной и судебной властей реализовалась в условиях далекой Якутской области. Так, по указу от 22 апреля 1805 г. Якутское областное управление по части полиции и финансовой подчинялось Иркутскому губернскому правлению, а по судебной – Сенату. Управление состояло из областного начальника – председателя, советника, двух ассессоров (утверждались Сенатом по представлению генерал-губернатора Сибири), заседателя от купечества и прокурора. Существовала канцелярия в составе секретаря, протоколиста, переводчика, регистратора, архивариуса. В казначейство входили: казначей, четыре присяжных из унтер-офицеров и канцелярских служителей, а также землемер, писарь с двумя учениками, повивальная бабка. Судебные органы власти были представлены стряпчим, земским судом, словесным судом, которые сохранили свое значение. В нижнем суде служили исправник, два заседателя от поселян и секретарь с канцеляристами [25, с. 36]. Таким образом, произошло четкое размежевание между государственными структурами и институтами инородческого самоуправления.

Вскоре власти вернулись к разделению Якутской области на пять административных единиц, которое более соответствовало местной географии власти, ибо она продержалась более ста лет. Три прежних комиссарства сохранились – Вилюйское, Олекминское Среднеколымское, вместо Зашиверского и Жиганского возникло Верхоянское, ими управляли частные комиссары. Город Зашиверск стал управляться из Верхоянского острога, Амгинское и Удское комиссарства вошли в состав Якутского округа. Периодически подчинявшиеся Якутску Витимская и Пеледуйская слободы были

оставлены в составе Киренского уезда. В комиссарствах управляли по-прежнему земские комиссары.

Первый областной начальник, надворный советник И. Г. Кардашевский, который вступил в должность 19 ноября 1805 г., считается одним из активных организаторов Якутской области. До этого он служил виллойским, а затем якутским городничим [22, с. 37–38]. Накопленный им опыт службы в структурах местного управления, взаимоотношений с представителями инородческого самоуправления позволил ему добиться успеха и более десяти лет исполнять свою должность.

Создание в Якутии особого областного органа областного правления и его председателя – областного начальника было обусловлено не только отдаленностью территории, но и трудностями, осложнявшими процессы формирования структур инородческого самоуправления. Осознание того, что здесь на отдаленной окраине нужен свой наместник наподобие губернатора, пришло не сразу. Мы видим, как после воеводства в Якутии учреждались последовательно комендантство, затем городничество.

В бытность существования Якутской провинции в 1775–1783 гг. фактически еще сохранялась прежняя структура управления с воеводой во главе. Хотя произошло первое разделение территории бывшего уезда на пять комиссарств. Вновь назначенные туда комиссары, по-видимому, мало отличались от прежних сборщиков ясака. Кроме того, чувствовалось несовершенство территориальной организации управления, так как в те годы существовало, кроме пяти комиссарств, еще и Алданское воеводство.

Образование Якутской области в 1783–1796 гг. привело к разделению области на пять уездов во главе с земскими исправниками. Возникла система, державшаяся на принципах разделения властей и сословности: уездный суд, нижняя и верхние расправы, нижний земский суд, казначейство, городничий, улусные головы и сельские заседатели. Тем не менее последовало новое изменение, когда был утрачен статус области в 1796–1805 гг. Как следствие, возник проект местных якутских чиновников И. Эверса – С. Горновского, одна из идей которого, а именно воссоздание области, была поддержана другим якутским чиновником И. Г. Кардашевским.

Происходит встраивание институтов управления якутов в местную систему управления. Вышедшие было из-под контроля местных властей улусные головы наконец приобрели официальный статус, но с ограничением своих полномочий. Теперь, кроме съездов князцов, их выбор и назначение утверждались не только в земском суде, но и на уровне областных начальников и губернаторов.

Попытка распространить действие бурятских контор в Якутии вызвала противодействие якутской элиты. Возникновение института улусных голов – своеобразное явление в истории местного управления на северо-востоке Азиатской России – в данном вопросе вступило в противоречие с инициативой иркутских и местных имперских властей.

Список литературы

1. *Акишин М. О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: структура и состав государственного аппарата / М. О. Акишин. – М.; Новосибирск: Дрвлекхранилище, 2003. – 408 с.
2. Акты архивов Якутской области (1650–1800) / под ред. Е. Д. Стрелова. – Якутск: Изд-во Якут. обл. правления, 1916. – 310 с.
3. *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии: в 2 т. Т. 2 / Г. П. Башарин. – М.: Арт-Флекс, 2003. – 519 с.
4. *Борисов А. А.* Область как альтернативная форма регионального управления на северо-востоке Российской империи // Изв. ИГУ. Сер. История. – 2017. – Т. 21. – С. 63–67.
5. Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. – М.: Наука, 2004. – 633 с.
6. Власть в Сибири: XVI – начало XX в. – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Сова, 2005. – 694 с.
7. Выписки о ясачных // История аграрных отношений в Якутии: в 2 т. Т. 1. – М.: Арт-Флекс, 2003. – С. 375–377.
8. *Дамешек Л. М.* Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.) / Л. М. Дамешек. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1986. – 168 с.
9. *Дамешек Л. М.* Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. / Л. М. Дамешек. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1983. – 136 с.
10. *Дамешек Л. М.* Ясак в Сибири в XVIII – начале XX в. / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – 303 с.
11. *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. – 5-е изд. / Н. П. Ерошкин. – М.: РГГУ, 2008. – 710 с.
12. Записка И. Эверса о состоянии Якутской области // РГИА. Ф. 1285. Оп. 2. Д. 88. Л. 1–74 об.
13. *Зуев А. С.* Аборигенная (инородческая) политика в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. В 3 т. Т. 1. – Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2010. – С. 9–14.
14. Извлечение Д. Павлинова из рукописи XVIII столетия, составленной колл. асс. Эверстом, бывшим в Якутске 10 лет расправным судьей, и колл. асс. Горловским, бывшим 7 лет в Якутске исправником, начиная с 1781 г. // Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – С. 43–46.
15. *Каменский А. Б.* Российская империя в XVIII в.: традиции и модернизация. – М.: Нов. лит. обозрение, 1999. – 328 с.
16. *Левенталь Л. Г.* Подати, повинности и земля у якутов // Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – С. 221–448.
17. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / отв. ред. С. Г. Агаджанов, В. В. Трепавлов. – М.: Славян. диалог, 1998. – 416 с.
18. О состоянии Якутского Спасского монастыря и школы при нем для обучения якутов, об упразднении Якутской школы // РГИА. Ф. 796. Оп. 91. Д. 991.
19. *Рабцевич В. В.* Государственные учреждения дореформенной Сибири. Последняя четверть XVIII – первая половина XIX в.: справочник / В. В. Рабцевич. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1998. – 271 с.
20. Приговор князцов Мегинского улуса 1813 г. // Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 43-и. Оп. 1. Д. 27. Л. 17–19 об.
21. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. – СПб.: Тип. II отд. Собств. Его Император. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 28. – 1360 с.

22. *Сафронов Ф. Г.* Дореволюционные начальники Якутского края / Ф. Г. Сафронов. – Якутск : Ситим, 1993. – 56 с.
23. *Сафронов Ф. Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в.: управление, служилые люди, крестьяне, городское население / Ф. Г. Сафронов. – М. : Наука, 1978. – 260 с.
24. *Сафронов Ф. Г.* Якуты. Мирское управление в XVII – начале XX в. / Ф. Г. Сафронов. – Якутск : Кн. изд-во, 1987. – 128 с.
25. Сибирь в составе Российской империи. – М. : Нов. лит. обозрение, 2007. – 368 с.
26. *Федоров М. М.* История правового положения народов Восточной Сибири в составе России / М. М. Федоров. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1991. – 186 с.
27. *Шадрина Г. Е.* Акдаахы. V Мальжегарский наслег / Г. Е. Шадрина. – Якутск : Адверти, 2016. – 448 с.

Yakut Regional Administration and Indigenous Self-Government: Formation of the Vertical Power Structure (1775–1810)

A. A. Borisov

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk

Abstract. The article focuses on an important period in the history of local administration in Yakutia when indigenous self-government was formed. The author considers formation of the vertical power structure both in regional administration (commandants, commissioners, judicial authorities, assessors) and in potestary institutions and forms of self-government in Yakutia (ulus chiefs, princelings). The author applies comparative method in research. For the first time the hierarchy between various structures of local government and indigenous self-government in Yakutia is analyzed considering dynamics of their formation.

Before the provincial reform of 1775 in Yakutia the forming indigenous self-government was opposed to the local government. Undertaking the reform required much effort. It was inappropriate to implement general methods in local conditions. The Yakuts insisted on direct subordination to the administrative and judicial authorities of the Yakut regional administration.

Keywords: Russian Empire, Yakutia, regional administration, indigenous self-government, vertical power structure.

Борисов Андриан Афанасьевич

доктор исторических наук

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН*

677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1

тел.: 8(4112)35-49-96

e-mail: a_a_borisov@mail.ru

Borisov Andrian Afanasievich

Doctor of Sciences (History)

*Institute for Humanities Research and In-
digenous Studies of the North SB RAS
1, Petrovsky st., Yakutsk, 677027*

tel.: 8(4112) 35-49-96

e-mail: a_a_borisov@mail.ru